

В наказание за что интеллигенция стала пылью?

ЮДИ «СЕВЕРНОГО КРАЯ»

Сегодня исполняется 140 лет со дня рождения Ариадны Тырковой-Вильямс. В начале прошлого века она была активным сотрудником «Северного края». Сначала Ариадна Владимировна присылала свои корреспонденции из города на Неве, публикуясь в рубрике «Письма из Петербурга», а зимой 1902 – 1903 года она переехала из столицы в Новгород. Её статьи были посвящены отечественной культуре и её деятелям. Она также курировала обзор толстых литературных журналов, выступала с рецензиями. В «Северном» выходили и её художественные произведения. Она была собкором издания в Новгородской губернии, являлась членом редакционного собрания газеты. Из Новгорода Ариадна Владимировна уехала в 1904 году.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) собрал новые материалы из семейных собраний, которые передали потомки русских эмигрантов первой, послереволюционной волны, живущие в США, Южной Америке, Германии, Франции. Сегодня публикуем несколько отрывков из исторических свидетельств А. В. Тырковой-Вильямс. Ариадна Владимировна – плеяды первых наших женщин-политиков, один из организаторов и лидеров кадетов конституционные демократы, в своё время самая большая российская либеральная партия, единственная дама в Центральном комитете. Архивные документы – дар супругов Лихачёвых из Венесуэлы: Екатерины, внучки и протоиерея Василия.

Тыркова многие десятилетия печаталась в газетах, журналах дома и за границей. Более полувека назад в Париже и Нью-Йорке были опубликованы её воспоминания: «То, чего не будет», «На путях к свободе», «Подъём и крушение». А после кончины в 1962 году – книга о ней Аркадия Бормана, составленная по этим воспоминаниям, трём тысячам писем, рассказам и его живым впечатлениям, тоже, увы, знакомая российскому читателю. Тыркова – автор великого исследования «Жизнь Пушкина», изданного у нас в серии «Жизнь замечательных людей». Во втором браке, к счастью, очень счастливом, была замужем за Гарольдом Вильямсом, английским журналистом, корреспондентом ведущих газет в том числе «Таймс». Толпец по убеждениям, он любил и знал Россию, написал книгу «Россия русских».

КРАЕШЕК ВОЙНЫ

«Мы попали в историческую катастрофу. Среди войны Россия вошла в полосу революционных потрясений. Современникам, может быть, трудно, чем позднейшим историкам, делать выводы и обобщения того, что происходит в тае эпохи. Но будущим исследователям нужен материал свидетелей. Я никому не приписываю слов, им не сказанных, действий, им не совершённых».

В день объявления мобилизации Тыркова с мужем были у своего дворца, когда на балконе появилась царская семья. «Опасность круто изменила настроение и мятежной интеллигенции. Казалось, что вся Россия – обновлённая, единая, просветлённая – хлыла к стенам Зимнего, вокруг которого выросла и окрепла империя».

В тот же вечер было созвано заседание ЦК кадетской

партии. Впервые за девять лет её члены были просто русскими людьми, преданными родине безо всяких оговорок. Не было ни тени оппозиционного злорадства, как во время японской войны. Всё казалось ясным: мы обязаны защищаться.

Жизнь супругов с войной изменилась, всё приспособилось к работе Вильямса, иностранного корреспондента. Тыркова занялась устройством Петроградского передового санитарного отряда.

Знали мы только самый краешек войны. Мы не пережили изо дня в день того, что солдаты. Это может знать только тот, кто с оружием в руках идёт убивать врага, который, в свою очередь, обязан убивать его. Войну знает только тот, чей долг идти навстречу смерти... Я не хочу сказать, что солдаты всегда рвутся в бой, но какое-то доблестное горение они доносили до больницы койки...

Война озверяет мирных людей, но она же и возвышает до самозабвения, до подвига, усиливает жажду сплочённости. Настоящая армия – великое содружество. Мы это сразу почувствовали. Мы гордились тем, что в неё вкраплены».

Свои воспоминания о прифронтовой Галиции Тыркова написала сказкой, которую Вильямс послал в «Дейли Кроикл».

«Смерть спустилась к нему с неба ласково. Солдат просто заснул под шелест сосен, а когда проснулся, понял, что умер. Стал карабкаться по Карпатским горам, отыскивать, где тут живут праведники. Его остановили ангелы, которых он принял за офицеров. «Ты людей убивал», – сказал ему крылатый офицер. У солдата упало сердце: «Нагрешил я, и не впускают они меня к себе». Стал вспоминать последний бой, когда отогнали австрийцев от вершины горы. Неужели всё это было ни к чему? «Не выгоняйте меня, Ваше благородие, я брал Карпатские горы», – попросил он. Что-то пробежало по лицу офицера. И вдруг увидел новый отряд с золотыми знамёнами. Посреди – высокий красавец... Архангел опёрся на рукоятку меча: «Ты брал Карпаты?». – «Так точно, Ваше Превосходительство». – «Нука, расскажи!». И солдат понял, что спасён».

«МЫ БЫЛИ СЛИШКОМ ЩЕПЕТИЛЬНЫ»

«С образованием Временного правительства (2 марта 1917 г. – Э. М.) к нам хлынули тысячи людей, надеясь принять участие в перестройке жизни России. Умеренность кадетов казалась надёжней, чем демократические крайности тех, кто был левее их. Но по-преж-

нему шли более образованные, просвещённые люди...

Не толпа, любопытная и пассивная, создала революцию, её расказали вожаки разных толков... За Февральскую революцию несут ответственность верхи: интеллигенция, профессора, адвокаты, писатели, даже генералы. Все они твердили, что дальше так жить нельзя. Но не поняли необходимости образования сильного правительства, способного вести войну и управлять страной, отдавать приказы, заставлять себя слушаться! Они обязаны были не допустить перерыва власти. С этой обязанностью русская интеллигенция не справилась. Не в наказание ли за это история превратила её в пыль?.. От всего сердца преданные России кадеты не сумели превратиться из оппозиции в правительство. Почему? Я как солдат разбитой армии не раз задавала себе этот вопрос.

Мы были слишком щепетильны, рассудочны. Отпугивала необходимостью заставлять, приказывать. Только убеждать, уговаривать. Свободный народ свободном выберет поступки. Но нельзя смешивать уважение к человеческой жизни с безоговорочным уважением к поступкам!

Миллюков считался лидером партии. И вот он стал министром в правительстве, где большинство состояло из кадет. Казалось, он хочет власти. Но когда революция поставила его лицом к лицу с возможностью её взять и осуществить хотя бы часть задач, которые развивал в своих статьях и речах, потребность рассуждать перевесила потребность действовать.

Он отшатнулся от одного намёка на то, что Временное правительство должно запретить ленинскую пропаганду... Он распорядился послать Троцкого ву на въезд в Россию. Мы в ЦК на него за это напали: если не применять старые классические методы властвования, власть можно потерять. Он вспыхнул: «Лучше так, чем те методы».

В страстную субботу Анна Сергеевна, его жена, пригласила нас с мужем разговляться, предупредив: «Только, знае-

те, приходится просить гостей принести кто что может». Собралось человек пятнадцать, все – кадеты. Пасхальный стол был чудесно накрыт: фарфор, серебро. Вдоль стен – статные лакеи в ливреях, на лицах ни тени усмешки, когда мы стали, шурша жирными бумажками, разворачивать наши пакетики».

ЗНАКОМЫЕ ПЕРСОНЫ

В 1933 году Тыркова записала рассказ княгини Зинаиды Юсуповой о разговоре её с императрицей за завтраком в Царском Селе после речи Миллюкова в Думе о «тёмных силах» (ноября 1916 года), тянущих свои нити к трону.

«Княгиня сказала: «Ваше Величество, мне было бы необходимо с вами переговорить». Лицо царицы покрылось пятнами: «Я не вмешиваюсь в ваши частные дела, прошу и вас не вмешиваться в мои». Юсупова возразила: «Дела русской императрицы не могут быть частными». Царица плакала и обещала, что Распутин с ними в Крым не поедет.

В Таврическом дворце происходило совещание о продовольствии. Вдруг дверь с шумом растворилась... Ни с кем не здороваясь, Керенский (министр юстиции, позже глава Временного правительства. – Э. М.) бросился в кресло, откинул голову, прошептал: «Я не могу, не могу этого вынести!». Не знали, как спросить. А он, не открывая глаз, продолжал: «Вы понимаете, они меня освистали... сорвали... я не хочу!». Жалкий, несчастный. Ещё немного, и начнётся истерика. Оказывается, солдаты освистали его за то, что заговорил о войне до победного конца».

«ВЕРЮ, ЧТО МЫ ЕЩЁ ВЕРНЁМСЯ»

«Послезавтра бибенькины (так звали бабушку. – Э. М.) именины. В этот день мы все мысленно вернёмся к той жизни в Вергеже (родовое имение Тырковых. – Э. М.). Большой стол в столовой, цветы, молодые лица. Дедушка такой праздничный и бибенька в кресле с гирляндами. За окном Волхов и наши просторы. Я ведь верю,

что мы с тобой (письмо сыну. – Э. М.) их ещё увидим. Как много вносит в наш и сердце мгновенность нашего земного бытия! Только выработать бы в себе щедрую ясность бибеньки...»

«МЁРТВЫМИ Я УВИДЕЛА МИНИСТРОВ ТОЛЬКО В ГРОБУ»

«Сегодня день выборов в Учредительное Собрание. Волнения, ожидания, опасения. Моё имя в числе кандидатов по спискам двух губерний. Я была участницей и свидетельницей всего хода выборов, происходивших в условиях, противоположных самой идее народного представительства. Большевики только что захватили власть. Среди треска ружейной и пулемётной пальбы, вихря анархии неграмотным, не привыкшим к политическому мышлению мужчинам и женщинам приходилось разобраться в сложных программах, о которых они услышали незадолго до того... Так как, несмотря на насилие и подлоги, большинство всё-таки оказалось у эсеров – за них голосовало крестьянство – большевики уничтожили выборные документы и готовые списки.

В больнице, в день первого созыва Собрания (5 января 1918 г.), ворвавшиеся матросы зверски убили лежавших там министров-кадетов Ф. Ф. Кокошина и А. И. Шингарёва. Шингарёв был спокойным вдумчивым человеком, говорил очень убедительно. Жутко было сидеть с ним на большевистских митингах, в зале, набитом яростно настроенными матросами. «Они ничего не поспеют с нами сделать», – тихо сказал он мне... Но сознание беззащитности всё больше укреплялось в людях. Чека (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. – Э. М.) раздувала своё страшное дело, хотя к массовому террору ещё не приступили».

На отпевании в Лавре пели хорошо, как там умеют петь. Чем дольше стояла, тем становилось на душе тише. Не разум вёл меня по кровью залитым русским дорогам. И даже про них не думала я: так тяжело кругом, что блаженны ушедшие... Не могу объяснить. Только оставаться в Петрограде не могу. В редакции «Речи» мне говорили: «Какое усилие нужно, чтобы работать!». Все слова уже сказаны. А за нами – ежeminутная угроза расправы. Пришёл номер южной газеты с документами о Ленине. «Мы не можем этого напечатать, придут матросы, разможат головы и нам, и наборщикам».

Социалисты сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих безумных догм и теорий... Эти трагические уроки могут послужить суровым предупреждением для других народов. А у нас будет хотя бы утешение, что муки России оказались жертвой, принесённой во имя будущего всего человечества. Может быть, путь правды всегда проходит через страдания».

КАЧАЕТ ЧЁРТ КАЧЕЛИ

Тыркова с мужем-англичанином уезжали из Мурманска в Англию как иностранных подданные. Через полтора года они вернутся на белую территорию, в Ростов, «переднюю

родного дома». После окончательного краха белых в 1920 году навсегда покинут Россию».

«Чёрная площадь, жёлтые чемоданы. Мелькают дни и ночи. Нет ни вчера, ни сегодня. Куда, зачем? Унылая беспомощность. Пустыня. Каюты, как гробы. Тюрьма».

Даже побеждённая, Белая Армия генерала Деникина – лучшая страница истории. Что осталось бы от русской чести без неё! Муж приехал к добровольцам, после говорил, что попал в лагерь крестоносцев.

8 августа 1924 года Англия подписала соглашение с большевиками о признании де-факто. Палата возмущена, но что ж из этого! Большевики обратились к Англии со всех сторон. Говорят, что они шантажируют Макдональда (премьер-министр. – Э. М.): во время войны подписал что-то пацифистское против короля. «Дейли Геральд»: «Сначала договор с советами, потом сокрушим капитализм повсеместно». Героев Брест-Литовска (Брестский мир с Германией. – Э. М.) сажают на почётное место. Король жмёт руку убийцам брата.

«Качает чёрт качели мохнатою рукою, качает и смеётся...» (Ф. Соколов. – Э. М.). Троцкий в марте 1918 года сказал Гарольду: «Самое моё большое желание – увидеть революцию в Англии». Что и здесь слышен подземный гул, не отрицают и оптимисты».

За что вы ни возьмётесь в коммунистическом государстве, будь то церковь, наука, образование, экономика или быт, вы неизбежно натолкнётесь на пренебрежение принципами свободы, права и справедливости, которые тысячелетиями вырабатывало человечество. Коммунизм – болезнь духа. Пока мировое общественное мнение этого не поймёт, оно неизбежно будет вязнуть в большевистской паутине».

«НАДО ЕЩЁ ЖЕНИТЬ ПУШКИНА...»

«Было очень трудно писать о Пушкине. И очень радостно. Ощутить, впитать в себя очарование, излучаемое гениальной личностью... Какое это наслаждение шаг за шагом открывать Пушкина, подходить к нему всё ближе! Сколько раз говорила Гарольду, что я самая счастливая женщина в Англии – моя жизнь проходит с ним и с Пушкиным... Он называл его «мой соперник».

«Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим» (Пушкин. Эпиграф к книге Тырковой. – Э. М.).

Ныряю в Пушкина. Через него идёт просветление русского лика, затемнённого чадом марксистских искушений. Я в гостях то у Зинаиды Волконской, то у Вяземских, то у Олениных. Надо ещё женить Пушкина, и я стараюсь думать о его хозяйственных делах, а не о своих».

Вчера опустила тело Александра Сергеевича в могилу, около стояло несколько крепостных, Александр Тургенев и жандарм. ...Горько, что Пушкин и св. Серафим ходили по земле одновременно и не встретились. При его умении проникать в чужую душу он прямо впитал бы в себя новый свет».

Элла МАКСИМОВА, (izvestia.ru).